

Кузбасс наземный

Николай НИЧИК

КУЗБАСС НАЗЕМНЫЙ

И з з а п и с о к ш а х т е р а

САРМАТ

Раньше он меня не то что не жаловал, вообще не замечал. Поздороваясь, бывало, а он недовольно буркнет: «Здоров, здоров». Как будто я в самом деле спрашивал его о здоровье и очень уж этим надоедал. А тут вдруг сам после отпуска подошел и с какой-то загадочной улыбкой интересуется:

— Что такое «вугилля» — знаешь?

Ну, я ему: мол, еще бы не знать, как-никак украинец. Ты-то, говорю, откуда узнал?

— А стишок слышал этот? — продолжал он, неумело переходя на украинский: — «Как приихав я в Донбасс вугилля копаты. А воно ж такэ важкэ...»

— Слыхал-слыхал! — торопливо предупредил его.

Но он уже остановился и сам: дальше там такой крутой мат, а я, как мог, пытался ему в бригаде сопротивляться. Когда-то давно даже попробовал этот стишок облагородить: «Как приихав я в Кузбасс вугилля копаты — с родной мовы перейшов на москальски маты!»

За «москальски» меня тогда чуть не поколотили, пришлось вместо этого поставить «русские», хотя смириться с этим мне сперва было трудно. В том окружении, в котором «на ридной нэньки» жил до Сибири, как-то так повелось считать, что «русские» вообще — это прямо-таки воплощение доброты и благородства, а вот как раз «москальски» и подпортили — не только русским, нам всем.

Он отчего-то вздохнул:

— Копаем, значит, с тобой «вугилля»?

— Копаем, — пришлось согласиться. — А чего ты про это начал?

Он оглянулся на автобус, в котором нас уже ждала смена, и понизил голос:

— А ты, значит, не забыл украинский?

— Да как же его забудешь — родной язык!

Он снова оглянулся и перешел прямо-таки на шепот:

— Там, гдеходим, есть одна забегаловка. Может, полчаса потом постоим? — и, пока я мялся, совершенно не понимая, что все это значит, торопливо добавил: — Хочется по душам... если никто из наших не присоседится.

Ну, прямо-таки, как в детективном фильме, где резидент иностранной разведки вербует очередного агента, пронеслось у меня: да что это с ним? Не исключено, что свою роль сыграли лирические воспоминания о далекой родине... Возникли и пронеслись, тут же улетучились, но дело успели сделать. Сколько меня пытались затаскать в эту забегаловку — всегда наотрез отказывался, со мной на этот счет никто уже и не пробовал заговаривать, а тут вдруг — на тебе.

— Ну, если только и правда на полчаса.

Он палец приложил к губам:

— Тс-с-с...

И все-таки это был детектив. Думаю, не политический. Криминальный.

Принял бы я его предложение насчет совместной поездки в Крым — кто знает, как бы там наши с ним дела развернулись? Звал он меня, конечно же, на кривую дорожку, а куда бы она нас завела — кто теперь скажет? Он туда попал из-за меньшей дочери: у нее был церебральный паралич, и ему сказали, что только Евпатория спасет. Но как туда теперь попадешь? Это раньше: пришел в шахтком, написал заявление, жди очереди. А сейчас? Без тугого кошелька в Крым не попасть, а откуда он у простого работяги?.. Сперва, вроде, появилась надежда, но очень быстро все переменялось, как говорится, проехали! Везде, конечно, по-разному, но на той шахте, где мы с ним тогда работали, после «великого бартера», который потом в одночасье закончился, ловить было больше нечего, между собой ее так и звали — «гробиловка»; и однажды я слышал совершенно серьезный спор: мол, как правильно писать — через «о» или через «а»? Один доказывает, что мы на ней гробимся, а другой говорит, что очередной хозяин нас еще сильнее предыдущих грабит, но ведь недаром говорится, что хрен редьки не слаще.

Где он только ни занимал, у кого ни одалживал, потому что ехать им надо было втроем. Решили, что жена останется дома, а он вместе с шестилетней больной дочкой возьмет десятилетнюю старшую: и поможет ему за младшей ухаживать, и сама, глядишь, хоть маленько тоже возле моря сил наберется.

Поехали поездом, и, чтобы вошла в купе, ему пришлось разобрать инвалидную коляску, руки вообще-то у него золотые. А там, говорит, она оказалась как старый «запорожец» среди новеньких «мерсов» — откуда

только детей-инвалидов ни навезли, со всех концов бывшего Союза. Кто со своей коляской, а кто уже взял тут напрокат; в Евпатории многие, говорят, этим и живут, что курортников обслуживают — та пирожки разносит, этот мороженое, а многие теперь держат технику: здорового на моторной лодке или на водном мотоцикле прокатить, а больного — в коляске по набережной. Сами могут куда надо и привезти, и отвезти, плати только.

Экономил там каждую копейку, лишнюю кружку пива стыдился выпить и вдруг услышал, как на набережной кричат:

«На временную работу требуется шахтер с опытом, оплата по договору, возможен аванс».

Ясно, он тут же бросился, как голодная щука на блесну: что за работа, где, какой аванс?

Поговорил с парнем, который это кричал, и тот ему:

«Через два дня будь на этом же месте в двадцать ноль-ноль, поедем к нанимателю».

«А почему в такое позднее время, чуть ли не ночью?» — сибиряк наш спрашивает.

Тот ему в ответ:

«Приготовься, что вопросы тебе будут задавать, а ты, если гроши и в самом деле нужны, больше помалкивай».

Ну, потом-то, он говорит, догадался: эти два дня за ним следили, интересовались не только у квартирной хозяйки, но и дочка старшая потом рассказала, какая-то тетя угостила ее на улице вкусным печеньем и долго потом о папе-маме расспрашивала.

Пришел он через два дня, повели его к старому «жигульку», а как только на заднем сиденье уселся между двумя ребятами, завязали глаза, нахлобучили сверху, чтобы повязки не было видно, шляпу и куда-то долго везли...

Когда повязку сняли, увидал, что сидит он за роскошным столом, какой только выпивки и закуски на нем не стояло. Напротив — полный пожилой дядька, похожий на запорожца, лысый и с длинными вислыми усами.

«Ну, что, мое сердэнько, — спрашивает, — перелякался чи ни? Будем штанцы менять или сразу к делу?»

Налил ему и себе, выпили, стали закусывать, хозяин и говорит: привык играть в открытую. Погляди-ка, мол! Откинул белую салфетку, а на большом подносе — какие-то рыжие браслеты, гребешки, бляхи...

«Знаешь, шо воно такэ? — спрашивает. И сам отвечает: — Золото!.. Да не абы какое. Ты голову-то поднимал вверх, отрывал глаза от коляски дочкиной? Если отрывал, видел плакаты по всему городу: Евпатории уже две с половиной тысячи лет, скоро отмечать будем. А почему она так называется — знаешь?.. Был тут знаменитый правитель Митридат Евпатор, слава о нем гремела по всему белому свету, а ваша царица Екатерина решила потом к ней примазаться, город-то она называла. Мол, двое нас таких: Евпатор да я. Вот и получилось: Евпатория... Но тут, — говорит, — столько народу прошло еще до этого самого Евпатора. Слышал о скифах?.. А о сарматах?.. Вот тут они и жили, сарматы. В Крыму нашем. А дом, где мы с тобой сидим, горилку пьем, стоит на старом сарматском кладбище. Хоронили на нем, видать, людей не бедных — это всё из могил. Давай-ка, — говорит, — еще по одной, а потом ты с хлопцами спустишься в подпол, оглядишься».

Выпили, он спустился. Не подвал, говорит, а громадное бомбоубежище, и от него по бокам — как бы штреки, только очень короткие.

«Продлять надо?» — спросил у хозяина, когда снова за стол сел.

«Умница, — тот говорит. — На лету все схватил. И продлять, и крепить, чтобы соседские дома не обрушились. Тут работы!.. Непростая, это самой собой. Небезопасная.

Ошибешься — и садоводы-любители, что тут кругом, голову лопатой снесут. Но да разве в шахте ты каждый день не рискуешь? Разве там пот не льешь? Стишок-то этот знаешь:

“Как приихав я в Донбасс вугилля копаты. А оно ж такэ важкэ...”»

«Важкэ — это важное?» — сибиряк наш спрашивает.

«Это коммунисты вбивали, что важное, забудь. Важкэ — тяжелое, значит. Тяжкое. А важное — это оно, золото. Во все времена! Недаром же до сих пор: золото партии, золото партии!.. Но где оно, где? А сарматское — вот оно!.. Получать будешь этими цацками. О процентах договоримся. Как потопашь — так и полопашь. Но уговор один: никому ни гу-гу. Ни слова. Это у меня, — говорит, — нету ног, в шахте как раз и оставил, в твоей же

Сибири, где меня иначе как “бандерой” не называли, хоть родиться мне надо было лет на двадцать раньше, чтобы “бандерой” быть... У меня ног нету, да зато ребята мои — такие шустрые, никто от них не убежит, нигде не скроется... А пока — держи бумажками! — и положил на стол три тыщи рублями. — На любом углу поменяешь, девчатам твоим на конфеты да на мороженое».

Сибирячок-то наш в этой самой забегаловке, куда мы зашли, вроде советуется: долго, мол, думал, почему они на мне решили остановиться. Наверняка ведь кто-то еще на крик отзывался, к ним подходил. Может, и в дом к пожилому толстяку, к этому запорожцу усатому, привозили.

— Почему меня выбрали?.. Потом-то он рассказывал, что спас его в шахте настоящий чалдон, хоть их, говорит, под землей — днем с огнем, их дело больше тайга да воля, а «вугилля» пускай копают «бандеры» да всякая другая подневольная шатия, которая не по своей охоте в Сибирь приехала... Русский язык он знает лучше меня, но со мной почему-то только на украинском, а он такой лукавый язык: думаешь, одно сказал, а переспросишь — совсем другое, оказывается! Слушаешь и ломаешь голову. А ты вот знаешь, — говорит, — тебе хорошо!..

Достал потом из кармана фотографию: в инвалидной коляске сидит девочка с таким красивым личиком и с такими печальными глазами — не дитя, а упавший на землю подраненный ангелочек. Рядом стоит старшая с опущенными глазами, как будто за искореженную сестру ей стыдно. И он сам: с таким решительным, с таким отчаянным видом...

— Может, — говорит, — вот этот мой вид и подсказал вислоусому: чтобы девочку вылечить — пойду на все!

И как-то он так это произнес, что у меня чуть не холодок по спине: взяла его жизнь за горло, взяла!

Но разве у меня своих проблем не хватает?

Принялся объяснять, что из-за огорода с картошкой, который нас только и спасает, никуда я летом не езжу.

А он:

— Да ты что?.. Какой-то ты или скучный, или, попросту говоря... Какая картошка? Ты бы видал это сарматское золото на подносе! Будет у нас — хочешь, картошку покупай, если не можешь без нее, а хочешь, какие-нибудь ананасы, финики, теперь вот киви, или другие эники-беники... А главное, — говорит, — мне ее вылечить, на крыло поставить. Неужели вот так всю жизнь и сидеть ей в коляске?

Как ни жалко мне было огорчать его, все же наотрез отказался. А через неделю-другую внизу, когда крепь делали, подтолкнул меня плечом один из наших, он бойкий такой, и смеется:

— Ну что, не приставал к тебе больше скиф наш? Сармат. Евпатор... Так его?

Я догадался:

— Звал тебя?

— Ну!..

— А ты что?

— Да что, что?.. Начнем, грю, с тобой копать, а там таких, как мы, уже пяток-другой под этим твоим ракушечником. На вечном отдыхе, да. Жить, грю, тебе надоело?

— А он?

— Да он-то! Он свое: жить — нет, а вот на больную дочку смотреть... Видал фотку?..

Примерно через недельку потом услышал, как громко уже перекрикивались двое, и все: скиф, мол, сармат, наш Евпатор! Ясно, что он активно искал в бригаде напарника, но все отнекивались, авантюриста или человека рискованного, скажем так, среди наших не находилось.

Единственное, чего он за это время добился, так это перемены «кликухи». То он Лом был

из-за одной давней истории, а тут новенькое: сначала — сармат Евпатор, после только по имени — Евпатор, но это при нашем деле все-таки долго выговаривать, и в конце концов закрепилось — Сармат.

Дела, между тем, шли все хуже. Если раньше отдавали мастеру «десятину», десятую часть, значит, заработка, то хоть было с чего отдавать. Теперь же зарплату урезали так, что ни вздохнуть, ни охнуть, как говорится, и перестали давать «копытные» — за пеший ход к дальним выработкам, а ходить приходилось больше и больше.

Уставали все, дело ясное, но Сармат особенно. Как только ни пытался на стороне подрабатывать. Уснул однажды на вагонетке, катившей с лесом, и это счастье, что не один был: бригадир понял и столкнул его на ходу, иначе при остановке так его могло шмякнуть о лебедку, что самому пришлось бы долго лечиться.

Но ему на роду другое, видно, было написано. Странная штука: вроде не виноват перед ним, а на душе временами поднимется вдруг такое...

Прошел праздник наш, день шахтера, а его всегда пышно отмечают: каких только певцов да музыкантов не привезут, кто только к нам не прилетит — денег на это не жалеют.

Может, потому что и самим-то в черном нашем и закопченном городе тоже не очень весело, а после общего концерта где-нибудь в цирке или на открытой площадке начальство забирает артистов с собой на хитрую какую-нибудь базу отдыха или в профилакторий, и там, уже специально для них, артисты вытворяют такое, что весь город чуть ли не год потом живет слухами: правда или все же не может быть даже при полной, как в Кузбассе давно у нас, демократии?

Какие-то крохи, спасибо, перепадают в праздник своим коллективам, и даже сами знающие себе цену кривляки тоже пытаются в это время хоть что-то, да урвать.

В городском театре как раз шел мало кому понятный, но все набирающий скандальной славы спектакль «Монологи вагины». На него и палкой было никого не загнать, а тут — на тебе — или отдел культуры, или сама администрация театра разжалобили терком, и тот закупил билеты на два спектакля сразу. Не может быть, мол, чтобы шахтерики от халавы отказались, пойдут, куда денутся!

Тут, как я понимаю, Сармат и пришел в очередной раз за помощью, лето уже ушло, но в Крыму оставался еще теплый сентябрь-октябрь. Пришел он, понятное дело, не очень вовремя, всем было не до него, и вместо обещанной ссуды из кассы взаимопомощи ему всучили пару билетов на эти самые «Монологи...» — мол, сходи на праздники, а там потом разберемся.

Тут надо сказать, что я и сам сперва с этими «Монологами» чуть не попался... В «Губернских новостях» потом пошучивали, будто некоторые простодушные земляки наши полагали, что «вагина» — это фамилия главной героини, просто написали ее почему-то с маленькой буквы. Мне пришлось первый разговор об этом спектакле услышать в редакции другой газеты, с которой давно дружу. Вошел в один из кабинетов, когда сотрудницы там как раз рассуждали о «Монологах», ну и, чтобы разговор, значит, поддержать, говорю:

— Вагина, вагина, гм... Что-то знакомое.

Одна серьезно так откликнулась:

— Да уж!

А я как танк иду: мол, нет, правда-правда, что-то я слышал.

— А видеть не приходилось? — вроде как удивилась самая молоденькая.

И тут вдруг прыснула и выскочила из кабинета самая пожилая, вслед за ней таким же манером стали выбегать остальные. Осталась эта молоденькая, совсем школьница. Очки поправила и спрашивает:

— Вы это серьезно или прикалываетесь?

— Совершенно серьезно, — отвечаю.

Она трубку сняла, набрала номер:

— Стас! — говорит. — Сейчас к тебе пойдет наш рабочий корреспондент, объясни ему, что такое вагина, — помолчала, пока он там что-то отвечал, а потом соглашается: — Можешь в красках, да, можешь, почему нет?

Пожал плечами, пошел к литсотрудникам, мужчинам, а там уже ржачка, что называется, давай мне, значит, что к чему объяснять, медицинские названия расшифровывать...

И хоть неловко тогда ощущал себя, темнота, зато потом радовался: вовремя они меня просветили, вовремя, а то ведь наверняка не только сам пошел бы на спектакль, потащил бы и жену, и дочку.

А Сармату в этом смысле не повезло: ничего не знал, отправился на «халявный» спектакль с женой...

— Ты представляешь? — спрашивал меня через день, когда шагали с ним к лаве, решил, видно, что только я его пойму. — Сует он мне в теркоме эти билеты, а у меня заскок: вугилля! — думаю. — Вугилля, ага... уголек, значит. Что там они нам про уголек?..

Пришли с женой, как люди сели, а там!.. Чем дальше я тебе скажу, тем страшней. Я сперва и не понял, почему они сидят в розовых таких кабинках, как бы в раскрытых кошельках... Тьфу ты! Актрисы. А когда стало доходить... когда в зале одна встала с места и пошла к выходу, другая у дверей обернулась и на артисток смачно плюнула, еще люди заподнимались — тут и до меня дошло: да неужели, думаю, правда?.. Каждая кабинка — это большая...

Ну, как тут его обвинить, мол, выругался? Просто ясней хотел выразиться.

— А ты, само собой, и не знал? — сказал я, чтобы хоть тоном посочувствовать ему.

Он чуть не закричал:

— Да, а кто знал? Что они вроде не ртом, а что между ногами — будут разговаривать... Это додуматься! Моя сидела сперва тюха-тюхой, а потом как заревет, прям навзрыд. Я, говорит, так и знала, что ты только про это и думаешь! Я, говорит, и раньше подозревала, что и на курорт рвешься не из-за дочери, а какую-то там уже нашел!.. Прямо там чуть не вмазал ей, это додуматься! За руку схватил... мы там с ней уже чуть не последние в зале, остальные ушли. Все я не верил, хотел понять...

— Да что ж ты там поймешь? — сказал я сочувственно.

А у него как будто приступ случился:

— Да как раз потом понял! — закричал. — Верить? Ведь это они, суки теркомовские, вместо того чтобы грубо послать туда, да и всё, они с кандибобером: возьми билетик, который мы тебе купили, сходи культурно в театр, там тебе чин-чином и объяснят, нужен ты хоть кому-то, или всем до...

Разбился Сармат не в шахте, она его берегла. Другой раз думаешь, что мать-земля все понимает и, что там ни говори, нам сочувствует. Но за что на него прогневалось небо? Город наш славится альпинистами. Есть у нас и заслуженные мастера, и чемпионы мира. Но за звание им не платят, зарабатывают тем, что зимой снег скидывают с крыш, сбивают сосульки, а летом подкрашивают высокие заводские трубы.

Альпинистам помогал один человек, который хорошо знал Сармату. Он и предложил ему: ребята, мол, рванули в Непал, выпала наконец такая везуха, а чтобы не пропала бумага, которую они еще ранней весной подписали, ему ее и оставили. Найдешь, мол, надежного помощника и — вперед...

Кто теперь разберет, что там у них случилось.

Говорили потом, что друг его не очень толково Сармату объяснил все эти премудрости, благодаря которым они на высоте держатся. Сам же его напарник уверял, что виноват неожиданный порыв ветра, мощный вихрь, который крутанул его и о скобы ударил.

Ну, когда человека не стало, все у нас пощедрей становятся: на похороны скинулись и терком, и хозяин шахты. Пышные устроили похороны, работяга он был, конечно, каких теперь поискать.

Опускали гроб, и один из наших негромко сказал:

— Ну, нашему Сармату не грозит, что его могилку раскапывать будут, золото искать, — и повел головой на вдову его, на сирот, на бедненько одетую родню, сгрудившуюся возле инвалидной коляски. — Каждую копейку — туда, каждую копейку — на младшенькую... Следующий день был выходной, а я давно уже собирался обменять книги в центральной городской библиотеке. Шел по Кирова и почему-то вдруг вспомнил, как он мне говорил, когда звал в Крым: ну, такой же, мол, лукавый язык! Родной мой. Украинский.

«Эх, — подумал. — Язык-то какой был, такой, в общем-то, и сейчас. Времена настали лукавые. И чем дальше — тем больше».

Возле театра было пустынно, и откуда-то от главного входа, из-за колонн, наперерез мне бросилась девочка лет шести-семи.

— Дяденька! — закричала. — Купите билетик! Спектакль «Монологи вагины». Не пожалеете, дяденька, купите!

И так она похожа была на младшенькую дочку Сармата ангельским личиком...

Полез в карман и сунул ей в протянутую ладошку сотню рублей. Отмахнулся от билетов и быстро пошагал дальше.

— А билетики? — бежала рядом она. — Возьмите, забыли...

Отстала и в спину уже попросила на крике:

— Не плачьте, дяденька!.. Хотите, я вам верну деньги?

И я вдруг зажмурил глаза и побежал...

ВКУС ЧЕРЕМШИ, или СЕРЕГА ЗОЛОТОЙ НОС

Опытные таежники давно не припоминали такой ранней весны: на смену трескучим февральским морозам не то что пришла — прямо-таки неожиданно свалилась сильная оттепель. После «женского праздника» снег вообще начал таять, ну, куда это?

В тайге на солнечных склонах запестрели проталины, а когда по оврагам стали пробиваться первые робкие ручьи, люди «старые да бывалые» начали усердной молиться, просить Господа Бога, чтобы не дал теплу разгуляться, иначе — беда!

Но той весной все обошлось. И самое удивительное, что сбылись прогнозы синоптиков: сильного наводнения не было.

В один из тех «парных» мартовских дней, когда невооруженным глазом видать, как начинает подрагивать весеннее марево, мой напарник по ремонту горных выработок Сергей Золотой Нос после тяжелой ночной смены предложил мне «заглянуть» в тайгу. Ох, как уже давно ему хотелось отведать первых росточков черемши!

Понял и оценил я все это только потом, когда уже пообвык в Кузбассе и стал понимать, что тут почем, как говорится. А тогда он меня еле уговорил, потому что и на этот «колбишный» счет у меня уже было свое твердое мнение, сложившееся из разговоров с продавцами черемши на стихийно возникавших весной «точках» — на оживленных перекрестках в центре города и в тихих переулках на окраине. Каждый временный, посиневший от холода, продавец в это время дружелюбен и разговорчив, каждый клянется, если возьмешь у него два последних пучка, «как только хоть чуть потеплеет», прихватить тебя с собою в тайгу и показать такое место, где она чуть не по пояс, черемша, оставалось только купить косу да три-четыре мешка и ждать урочного часа. Но как только солнышко начинало к нам почаще заглядывать и задерживаться подольше, с новокузнецких улиц продавцов как будто сдувало потеплевшим ветром и несло северней, где своей черемши пока не было и привозную можно было продать подороже.

Где только, рассказывали, не встречались тогда наши неутомимые колбовозы! Даже в Новосибирске, где своей черемши вообще маловато. Даже в Томске, где она давно занесена в Красную книгу.

Да что там, что там! Говорят, даже в летающих к нам самолетах, от старости насквозь продуваемых ветром, и в тех, несмотря ни на что, от нескончаемых дружеских передач колбы в Москву устанавливается такой густой дух черемши, что держится потом осень напролет и исчезает только тогда, когда начинается зима, и ни с чем несравнимый запах, по которому в столице тоскуют и вышедшие из Кузбасса большие начальники, и начинающие забывать родной город депутаты, и даже окончательно забывшие его бывшие вожаки рабочего движения, — этот запах тогда вымораживается.

Но это все я тоже начал понимать много лет спустя, а тогда мои знания только тем и были ограничены, что, мол, слишком рано искать колбу по такому холоду да еще после такой почти непосильной смены, которая у нас тогда вышла.

Но Серега горячился:

— Ничего ты не понимаешь! Когда же еще тогда и искать?.. Устал, видишь. Да в том-то и дело, что она и мертвого поднимет, а не то что усталого или больного, ну?..

Чуть не по пояс в снегу он брел первым, я, хоть был намного моложе него, прилично отстал. Или как раз — неприлично? То и дело хватался то за ветку калинника, то за слабую березку, которая, все еще под тяжестью снега, и сама бы сейчас не отказалась от помощи.

Когда вышел, наконец, на проталинку посреди негустого пихтача, Сергей уже разговаривал с выводком шахтовых дворняг, честно сопровождавших горняков на многие такие ответственные мероприятия.

— Вот видишь, — сказал я, тяжело дыша. — Надо было за ними идти, они, небось, по сугробам не лезли. И явно повеселевший отчего-то Золотой Нос руками развел:

— Тут ты прав.

— А нам надо обязательно напрямик? — ворчал я.

Но он только повеселел еще больше:

— Молодой ты еще!..

Наши чем только не измазанные кабыздохи вдруг дружно взлаяли, всей стайкой бросились к подножию высокой пихты, и Сергей тут же наклонился, выхватил из-под ног сухой дрын:

— А ну, бродяжка! Вы тут у него в гостях, а ведете себя... — отогнал собак и с умилением глядел теперь куда-то на вершину пихты.

— Чего ты там?

— Бурундучишка! — сказал он чуть не с восхищением и снова вдруг вернулся к моей персоне: — Эх, какой еще молодой-зеленый...

Потом он туда-сюда прошелся, глядя под ноги, махнул мне молча ладошкой, и оба мы присели на корточки, начали разгребать сухую листву и в сторонку откладывать прошлогодний, еще не оттаявший, лесной хлам.

— А это что? — спросил я, увидев между листвой зеленую тонкую ботву. — Сохранилась, не померзла зимой...

Он дружелюбно рассмеялся:

— Зеленый!.. И, слава Богу, пережил зиму. Загад-трава — вот это что! Тоже шахтерская травка, между прочим.

— А почему?

— Сушат и в обувку кладут. Она и снаружи воду не пропускает, и пот внутри забирает.

— Прямо-таки забирает?

— Поверь.

— А почему так называется?

— Есть в ней и еще тайна... Не все сразу!

— Не все, так не все...

— Гляди!

Спорить готов, как говорится, что в руках у него тогда был ножик с ржавым лезвием и небольшой бульжник, который он только что припасливо приподнял с земли. Но вот по прошествии стольких лет кажется, что держал он отливавшее синевой зубильце и крошечный молоточек — так осторожно и так искусно обкалывал он ледок вокруг еле заметного росточка, который сперва показался мне какой-то крапинкой или темным пупырышком. Только что мы вышли на-гора, поднялись из темени и глухоты, прерываемой вдруг стальным скрежетом, поскрипыванием стоек, тяжкими вздохами матушки-земли, а то вдруг отчаянными криками и скверной руганью, а тут... а тут...

Лицо у Сергея так и светилось, он будто священнодействовал.

Впервые я видел, чтобы что-то росло прямо во льду, но ведь росло! Упрямый остроносый побежек, который Серега бережно освобождал из ледового плена, делался все выше: на несколько миллиметров, на сантиметрик, на два...

— Поздравляю тебя, пробуй!

На что это было похоже?

Смешанный запах молодого лучка с молодым чесночком в очередной раз припоминался мне потом, когда я уже самостоятельно пытался отыскать первую колбу и в очередной раз давил зубами и начинал обсасывать похожий на нее горьковатый росток кандыка... Говорят, вымирает, и так уже мало осталось, а тут ты еще выцарапываешь его изо льда, чтобы потом безжалостно выбросить.

А тогда!.. Сергей вдруг посерьезнел, лицо у него сделалось значительное:

— Запомни... Ты вроде парень ничего. Что говорил мой дед? Каменный уголь — шахтерское дело, говорил он. А каменный лук — шахтерская еда.

— «Каменный лук» — ее, колбу?

— Ну, «каменный чеснок», если хочешь, — и чуть насмешливо улыбнулся. — Что же еще, кроме этого драгоценного камня, через лед пробьется!

Может, и в самом деле драгоценный? Потому что Серега, выдалбливающий очередной стебелек, и впрямь был похож на ювелира...

Я тогда многого не знал и сперва даже подумал: может, потому-то и звать его — Золотой Нос?

Тут, наверное, и в самом деле пора объяснить, откуда у моего напарника по ремонту

горных выработок такое необычное прозвище.

Сергей был из тех, кому под землей постоянно не везло, травмы его прямо-таки преследовали. Есть такие невезучие горняки, есть. Не успел бросить костыли — руку поломал. Руку вылечил — на очереди другая нога. Если не та же, с которой недавно маялся. А у каждого есть еще и пара ключиц, и вон сколько ребер... Но Сергей был в этом смысле «однолюб»: травму за травмой принимал на себя его нос, рассказы о котором уже занимали на нашей шахте чуть ли не самое почетное место среди баек да анекдотов. И основания для этого были.

Только пошла работа — вдруг крик:

— Стоп! Серегу опять шшолкнуло!

Ну, «шшолкнуло» — это ясно. Куда еще, как не в «рубильник», можно щелкнуть.

Но иногда вдруг кто-то кричал: мол, Серегу царапнуло!

И тут начиналось: куда на этот раз?.. Как это куда — все туда же! Ежели он — Золотой Нос, не по мягкому же месту... А кто-нибудь считал, мужики, сколько раз с ним одно и то же?.. Надо, надо считать! Его ведь давно пора в книгу рекордов Гиннеса!.. Может, дали бы чего?.. Ага, в книгу Хренниса! Ребята уже повели наверх, сейчас в нее и занесут, и дадут...

Может, потому-то все грубовато посмеивались, потому не без явного облегчения потешались, что за этим стояло сидящее в каждом очень глубоко: а ведь могло быть иначе... И вовсе не с Серегой, нет, с каждым. А то и со всей бригадой сразу. Недаром на многих кладбищах на юге Кузбасса ребята так и лежат: бригадами.

А с Серегой шло по уже привычному кругу: скорая — больничный травмпункт — хирург, которого вся бригада уже знала по имени-отчеству, — бюллетень.

Если подсчитать, начинали подзаводить Серегу, когда он возвращался на шахту, сколько ты получил по больничным листам да по всяко-разным страховкам, тебе бы уже давно хватило на золотой протез... Или как там? На золотой колпачок, на буратиновский нос, который бы твой «рубильник» прикрывал.

Рубильник — это так, к слову. Нос как нос, самый обыкновенный, да и, благодаря искусству одного и того же, лучшего в городе, хирурга-лицевика, следов от удара кровельной породы или какой железки на нем никогда не оставалось.

Ну, тут вот сразу придется рассказать одну из многочисленных баек о Золотом Носе. Когда Серега, давно еще, раз и другой с носом залетел, хирург этот начинал в нашей шахтерской больничке. Перевелся в другой район — в шутку сказал Сереге: если что, мол, все равно ко мне. Сразу!.. Так и случилось: Серега путешествовал за ним потом из больницы в больницу, из клиники в клинику. Это была его привилегия, потому что слава об этом хирурге уже облетела нашу Кузю, и принимал он уже не всякого. Времена тянулись лихие, сколько тогда в городе случалось разборок, сколько драк с поножовщиной. Да и все знаменитые на всю Россию стрелки, вся наша «пехота» стояла к нему в очереди. Однажды Серегу привезли к «лицевнику», когда на операционном столе уже устраивался чуть ли не самый главный в городе бандюган, и что бы вы думали? Пришлось ему срочно встать и выйти в коридор, а на его место Серега лег.

Можете себе представить, что тогда говорили на шахте? Думали, мол, в городе один самый большой «авторитет», а оказалось — совсем другой! Свой парень. Кликуха — Золотой Нос.

Кое-кто, правда, усмехался: мол, погодите-ка! Носу нашему еще выйдет боком, что главному бандюгану пришлось ему место уступить, хорошо, если голову не оторвут, но уж где-нибудь в темном переулке по шее наkostenяют — уж это точно!

Однако ничего похожего не случилось. Более того. Поднакопивший в Кузне деньги «лицевик» переехал сперва на Кавказ, а потом и в Сочи, там у него теперь, говорят, своя клиника. Тот самый «авторитет» ездит к нему туда почти постоянно, потому что у него такое ранение, что последствия его надо время от времени подправлять. И вот однажды

возле нашего АБК — административно-бытового, значит, корпуса — останавливается самый крутой на юге Кузбасса японский «джип», вылезают из него двое амбалов, бегут к директору, а потом в сопровождении третьего выходит и этот самый авторитет, не торопясь, идет в корпус, а там уже ждет его Серега, выдернули его из штрека по этому поводу. Наши говорят потом: вот бы спасатели так работали, как в тот раз начальство! Садятся они у директора, и авторитет говорит:

— Привез тебе привет от общего нашего друга. Сказал: «Вдруг надо будет — всегда жду. А то давно не видались. Соскучился. На дорогу ко мне уж как-нибудь наскребет, морда дороже, а обратный билет, тут никакого базара, за мой счет!» А я ехал к тебе, — продолжает авторитет, — и вдруг пришло в голову: хотя и только туда — да откуда у него такие деньги?.. Потому держи-ка, братан. Это тебе на самолет до Сочи и там на недельку. А остальное — за нашим другом... Держи-держи!

Сует Сереге новенькую пачку: оставь, говорит, эти «хрусты» на черный день.

Да только разве Серега — не настоящий горняк? Недаром сам говорил: потомственный! И вечером в бригаде был праздник, какого не было не только за последние несколько лет — может, и вообще никогда. Тут-то Золотой Нос и сказал свою знаменитую речь.

— Ребята! — говорит. — Мужики!.. Вот мы с вами болтаем: в бандитском государстве живем. Да нет! Какое оно на самом деле — это надо еще раскумекать, но только не бандитское, факт! Было бы бандитское — вон бы как о нас обо всех заботилось! Ить, поглядите на наш стол — чего только душа пожелает. Все есть!

Тут кто-то его подкалывает:

— Килобзды нету!

Все грохнули: о Серегином пристрастии к черемше, к колбишке-кормилице, все знали.

А он, и правда, вздохнул:

— Только вот ее и нет, точно!..

Колбу он, конечно, любил... Может быть, даже мало сказать: любил? Тут речь, скорее, не о плотском чувстве, о каком-то одухотворении, если не говорить большего.

Поздновато я все это, конечно, понял, что ж теперь, поздновато! А тогда он все продолжал удивлять меня своими рассуждениями. К этому времени я уже сделался не только заправским колбоедом, но и заядлым колбишником. Думалось иногда: может быть, с моим старшим другом, известным московским писателем, потому еще и сошлись, что он, посмеиваясь, говорил о себе: колба — это его «пунктик», и если у него однажды весной «поедет крыша», то искать его надо на окатах Кузнецкого Алатау — будет собирать там колбу. Вместе мы придумывали «Словарь колбоеда», который, может, когда-либо еще выйдет. Колбоман — это уже из будущего нашего совместного словаря.

И вот однажды в тайге, когда снова вдруг выпало пойти за черемшой вместе с Серегой, сказал ему: вот ты, мол, тут мне про каменный лук. А знаешь, как колба наша — полатыни?.. Алум викториалис, во! По-русски: лук победителей.

А он со вздохом сказал:

— Думал, ты уже побурел...

— Что значит — побурел?

— Ну, созреваешь. А ты вот: лук победителей!

— Я у друга своего прочитал, он про колбу много пишет, хоть и в Москве живет...

— Во-он оно! — протянул Серега. — Тады ясно.

Была у него такая поговорка.

— И что тебе — «тады»?

Он дернул подбородком:

— Дак Москва! Она чего не придумает, лишь бы мы тут работали, а она там жила... Ну, подумай: какие мы с тобой победители? Хоть колбой от нас, от каждого — на километр. Разве победители так живут?.. А Москва... что Москва?

— Ну, что, что?

— Да прилетали тут ранней весной на медведя... Олигархи — не олигархи, но так, видать, с большими деньгами люди. Теперешние хозяева. А я как раз — за первой колбой... Егерь, мой дружок, вывел точно, они зверя ранили да все поразбежались, ему и добывать пришлось, и их потом по тайге собирать — тут я ему и помогал. Ну, а вечером на грудь взяли, все снова расхрабрились, вот один, что я как раз еле нашел и чуть не в последний момент из полыньи вытащил, приглашает меня: ты приезжай! И туда тебя свожу, и сюда. Я ему: да оно мне надо? В Москву. Но раз уж вы, такие умные, здесь, объясните мне, слепому кроту: что такое там у вас в Москве «общечеловеческие ценности»? Почему-то в последнее время они меня прямо-таки достали... А он захохотал сперва, а потом вдруг так серьезно: я с тобой, как с другом. Запомни! Единственная общечеловеческая ценность — это, брат, «рыжий дьявол». Он! Понимаешь?.. Спрашиваю: Чубайс, что ли?.. А он опять как захохочет. Какой, говорит, Чубайс! Бери выше! Так еще с пиратских времен звали золото. Вот оно и есть эта самая общечеловеческая ценность. Самая главная. А все остальное для того и придумано, чтобы таким, как вы, «тайге глухой», мозги запудрить. Усек?..

Через недельку-две после общего похода в тайгу встретились в городе — работали уже на разных шахтах — и Сергей прямо-таки бросился ко мне:

— Хорошо, что увидел тебя!.. Я потом думал все... Может, твой московский друг не так тебе сказал, а ты не расслышал? Если парень нормальный, говоришь, и тоже соображает кое-что.

Я сперва не понял:

— О чем это ты? — спрашиваю.

А он:

— Как это о чем? О колбишке!.. Может, он тебе сказал: лук побудителей?

— Каких еще «побудителей»? — спрашиваю.

— Да каких... Как в армии... Или ты не служил?.. Побудку сыграли, взбулгачили народ, а сами потом чуть не первые — к ларьку. Люди — за ними. Чуть не вся страна нажралась, и опять — в сон. Один так и спит до сих пор, другой с бодуна ничего не соображает, а умники-то... умники, что нас побудку сыграть подбили, они за это время все и расхапали... А нам, брат, только это и осталось: каменный лук.

И как-то все это он печально говорил, ну, так печально.

— Меня всегда подбадривал, — попробовал поднять ему настроение. — А сам голову опустил... Помнишь, ребята говорили, тебе нельзя, чтобы голова падала.

Он без интереса спросил:

— Почему это?

— Да как «почему»? Единственное свое золото беречь надо. Нос-то, нос...

— А-а, — протянул он. И опять так равнодушно.

— Может, случилось что? — спрашиваю.

— Да так-то вроде и ничего, — говорит. — Только пенсию срезали.

— А как это можно?

— Дак теперь ить все можно...

— Почему срезали? Должны же объяснить.

— Пробовал добиться, да так и не понял. Вроде, слишком часто травмировался, и больничные у меня — чуть не липовые.

— Это задним-то числом?

— Кому-то понадобилось.

— А в теркоме был?

— Ты еще веришь им там? В теркоме?

— А что еще остается?

— Тады ясно...

— Может, тебе и ясно, — говорю, — а мне что-то не очень.

Он как-то так усмехнулся: молодой ты еще, зеленый. Сказал другое:

— Рыба ищет, где глубже...

— А человек, где лучше... Ну?

— Чего тут нукать, все правильно. Только человек — не рыба. Ему, где глубже, искать...

— Зачем тебе, где глубже?

— Как — зачем? Доработать до выслуги.

— Опять в шахту?

— Что-нибудь другое предложишь? Идти к тебе сменщиком на твой любимый Запсиб? Что, там намного лучше?

Я только вздохнул. А он как-то враспяжечку сказал:

— Не хотелось бы, правда, снова нос подставлять... — и тоже вздохнул.

Было это, считай, два года назад, после этого не встречались, как там и что у нашего Золотого Носа — не знал; а когда случилась эта страшная беда на «Есаульской», вчитывался в газете в фамилии погибших, искал, нету ли знакомых ребят, и вдруг наткнулся на фамилию Сереги... Может, сперва подумал, родня, и тут же вдруг понял: сам. Даже не потому, что фамилия-отчество те же, понял по какой-то безысходности тогда в Серегином голосе.

«Как же так? — думал. — Все привыкли, что всегда — только нос, и сам он давно привык. Ну, “шшолкнуло”, ну, поцарапало... Или при этом все равно в сознании пряталось: это сегодня — нос, это сегодня... Надо же ему было вернуться на шахту! Судьба как будто успокаивала его всякий раз, а выходит, заманивала. Так долго! Ах, Серега, Серега... Золотой Нос! Полез в земную утробу за выслугой... А как иначе прожить?»

И вспомнились наши с ним походы в тайгу, и тот поход — самый первый, вспомнились наши долгие разговоры и это его чуть насмешливое: «Молодой ты еще!.. Молодой-зеленый».

«Общечеловеческие ценности! — подумалось. — Да разве сама жизнь — не самая главная из них?.. А чего она нынче стоит?.. “Лук победителей”, — пришло в голову. — Может, прав был Серега: мы — только побудители, всего лишь».

Хотелось кому-то из общих знакомых позвонить, чтобы расспросить о Сереге, но час был уже слишком поздний, а утром снова стремительно началась эта наша суэта-маета.

Через какое-то время встретил в городском трамвае бывшего бригадника, тот еле держался на ногах. Спросил его о Сереге, и он сквозь икоту взялся меня наставлять:

— Отбил ты от нас!.. Рази праильна?.. А я, между прочим, с этих самых поминок.

Ездили с мужиками на то место, где они как раз под землей... Водяры было! Маленько и на травку плеснул: как на кладбище, на могилках. Что ж теперь? Земля пухом... А ты отби-ился, да!.. Ты и тогда отказывался. А это, чтоб ты знал, терком проводил.

И снова пришло, вроде совсем не к месту: «Гады ясно!»

— Знаешь, когда следующий раз? — икал мой бывший бригадник. — Ты черкани телефон, позвоню тебе...

А я подумал, что надо съездить туда одному. Походить молча. Подумать. Если все не вытоптали, срезать несколько стебельков колбы, она уже как раз зацвела. Поставлю, подумал, дома в стаканчике с водой под фотографией Сереги, есть у меня хорошая его фотография, снимали один другого в тайге...

«Каменный уголь, — он говорил, — горняцкое дело. Каменный лук — горняцкая еда».

И какие там еще, подумал, потомственному горняку цветы?